ISSN 2500-1442

Научная статья
УДК 343.9
EDN RPFKEF
DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(5).566-574

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОБОЕВ И ИСТЯЗАНИЙ: ФАКТОРЫ РИСКА И ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ

Е.В. Кунц
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
23 августа 2026 г.

Дата принятия к публикации
26 октября 2026 г.

Дата онлайн-размещения
25 ноября 2026 г.

Ключевые слова

Истязание; воспитательная работа; наказание; насилие в семье; осужденный; побои; рецидив; судимость; факторы

Аннотация. Изучая механизм социального наследования преступного поведения, его источников в семейных отношениях, отечественные криминологи приобретают немалый опыт в выработке мер по предупреждению развития социального неблагополучия в семье. Практическая ценность этих исследований состоит в том, что они дают конкретное представление о семье как о криминогенном факторе, способствуют дифференцированном подходу к профилактике отдельных видов преступлений, исправлению правонарушителей и осужденных. Однако этот вопрос не изучен в достаточной мере применительно к анализу факторов риска, специально-криминологическому и индивидуальному предупреждению побоев и истязаний. Отечественный законодатель не относит побои и истязания к числу преступлений, обладающих повышенной общественной опасностью, тем не менее показатели этого вида преступности служат своеобразным индикатором нравственного состояния современного общества, поскольку степень проявления жестокости, особенно в отношении детей, женщин дает основание судить о его моральном здоровье. Состояние и динамика побоев и истязаний в Российской Федерации за последние пять лет определяются не столько изменением реального уровня насилия, сколько трансформацией законодательного регулирования, в первую очередь введением ч. 2 ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, расширившей основания уголовного преследования лиц, осужденных за насильственные преступления. Рост числа осужденных за побои на фоне снижения регистрируемых истязаний свидетельствует о перераспределении квалификации в пользу менее тяжких составов, при этом реальный масштаб проблемы существенно превышает показатели официальной статистики из-за высокой латентности, обусловленной зависимостью жертв от агрессоров. С учетом вышеизложенного автором предлагается научно обоснованная модель правовых и социальных механизмов обеспечения безопасности в семейной среде, а именно создающих условия для противодействия пренебрежению и насилию в отношении членов семьи, в том числе некарательными средствами.

Для цитирования. Кунц Е.В. Предупреждение побоев и истязаний: факторы риска и профилактические меры / Е.В. Кунц. — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(5).566-574. — EDN RPFKEF // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 5. — С. 566–574.

Original article

PREVENTING BEATINGS AND TORTURE: RISK FACTORS AND PREVENTIVE MEASURES

Elena V. Kunts
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2026 August 23

Accepted
2026 October 26

Available online
2026 November 25

Abstract. Studying the mechanism for social inheritance of criminal behavior, as well as its sources in family relations, allows Russian criminologists to gain considerable experience and work out measures to prevent the emergence of social disadvantages in the family. The practical value of such research consists in providing a concrete understanding of a family as a criminogenic factor, contributing to a differentiated approach to the prevention of some types of crimes, and to the correction of offenders and convicts. However, this issue is not sufficiently studied in terms of analyzing risk factors, special-criminological and individual prevention of beatings and torture. Domestic legislators do not classify beatings and torture as crimes of high social danger; however, the statistics of this type of crimes are a kind of indicator of the moral condition of modern so-

© Кунц Е.В., 2026

Keywords

Torture; educational work; punishment; domestic violence; convicted person; beatings; recidivism; criminal record; factors

ciety since the degree of violence, especially manifested towards children and women, testifies to the society's moral health. The situation and dynamics regarding beatings and torture in the Russian Federation in the last five years are determined not so much by changes in the actual levels of violence, but rather by the transformation of legislative regulation, primarily, by the introduction of Part 2, Art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation that widened the basis for the criminal prosecution of those convicted for violent crimes. A growing number of people convicted for beatings, together with a reduction in the number of registered tortures, shows that more and more cases get qualified as less severe crimes, while the actual scale of the problem is much worse than what is seen from the official statistics, because these crimes are highly latent due to the dependence of victims on aggressors. Taking into account the abovementioned facts, the author presents a scientifically grounded model of legal and social mechanisms for ensuring safely in the family environment that create conditions for counteracting negligence and violence towards family members, including through non-punitive measures.

For citation. Kunts E.V. Preventing Beatings and Torture: Risk Factors and Preventive Measures. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 5, pp. 566–574. (In Russian). EDN: RPFKEF. DOI: 10.17150/2500-4255. 2026.20(5).566-574.

Введение

Повышение роли семьи в жизни российского общества привело к необходимости правовой оценки пределов вмешательства государства в дела отдельной взятой семьи и ее членов. Семья выступает формой человеческого социального бытия и коммуникации, являющейся ключевым элементом в системе взаимоотношений личность — общество — государство. Современные риски для членов семьи формируются не только в результате прямого физического насилия, но и через эмоциональное давление, недостаток заботы и неготовности членов семьи к выполнению своих функций. Социально-экономические трудности, семейные конфликты, неравномерное распределение родительских обязанностей, цифровизация коммуникации трансформируют формы насилия и пренебрежения по отношению друг к другу. Следовательно, обеспечение благополучия семьи требует не только реагирования на отдельные правонарушения, но и совершенствования всей системы ранней профилактики и их предупреждение.

Проблема семейно-бытового насилия в Российской Федерации оценивается неоднозначно [1, с. 70]. Криминологические характеристики насильственных преступлений изучали Ю.М. Антонян, С.В. Бородин, В.Д. Кладько [2], М.Ф. Костюк, В.В. Лунеев [3], Д.А. Шестаков [4], Я.И. Гилинский. Вопросы семейного насилия и виктимологии рассматривали В.Ю. Голубовский, А.В. Лысова, А.Л. Репецкая, Д.В. Ривман, А.В. Штефан, В.Ф. Щепельков [5], В.С. Устинов. Однако динамика законодательства, появление новых форм насилия и изменение социальной ситуации требуют постоянного обновления научного знания.

Следовательно, необходим системный подход, объединяющий знания, методы, присущие уголовному праву, криминологии, уголовно-исполнительному праву, административному праву, семейному праву, в целостную, интегрированную систему, требуется концепция, которая позволит обеспечить безопасность членов семьи, защиту их прав, не разрушая при этом независимость семьи и не нарушая границы вмешательства государства в их частную жизнь.

Сложная система межличностных связей предопределяет поведение людей. Взаимодействуя с социальной средой, человек реагирует на предъявляемые ею требования. Интенсивность воздействия среды на индивида, характер требований и сама реакция лица на эти воздействия обусловливают содержание его поступков, актов поведения [6, с. 98]. «В поведении человека воплощаются, синтезируются те элементы социальной среды, которые отобраны лицом, реализованы в его действиях» [7, с. 179]. Эти процессы влияют на мотивацию любых поступков, в том числе противоправных. Механизм этого влияния достаточно сложен. Особое значение имеют нарушение социальных ожиданий, разочарование, взаимное отчуждение супругов, непринятие критики социальной среды, что в итоге порождает криминальную реакцию в тех случаях, когда личность имеет деформации в нравственном и правовом сознании. Проблема в — безвыходности сложившейся ситуации, при которой правоохранительные органы не считают целесообразным вмешиваться во

внутренний конфликт, а жертва при этом остается в опасном положении.

Таким образом, когда речь идет о профилактике истязаний, побоев, нельзя уйти от глубокого изучения семьи как места, где возникают желания, чувства, психологические факторы, предопределяющие преступное поведение.

Криминологическая оценка состояния побоев и истязаний

Криминологическая оценка состояния побоев и истязаний в Российской Федерации осложняется рядом факторов, среди которых — неполнота статистических данных, обусловленная высокой латентностью этих деяний и существенными изменениями в уголовном законодательстве, произошедшими в 2016–2022 гг. Ю.М. Антонян неоднократно отмечал, что реальное число насильственных посягательств на личность многократно превышает зарегистрированные показатели, и именно побои отличаются наиболее значительной долей скрытой преступности, поскольку потерпевшие по разным причинам предпочитают не обращаться в правоохранительные органы [8].

Многие насильственные преступные действия, в том числе побои и истязания, имеют субъективный, как правило, неосознаваемый смысл защиты от внешней угрозы, которой реально может и не быть. Это предположение не означает, что эмоция страха фатально приводит к преступлению, однако недостаточно социализированные ее формы могут иметь криминогенные последствия. Эмоция страха является травмирующей для личности, порождает у него тревогу и реакцию избегания. Если в ранний период развития личности реакция страха активизируется еще на досознательном уровне, то в процессе дальнейшего развития она подвергается трансформации, лишается внешних атрибутов непосредственности и очевидности.

Сложные, напряженные отношения между людьми в современной социальной практике способствовали возникновению специфической эпидемии — аллергии на людей, или, как выражаются медики, психической аллергии[1]. Аллергенами в данном случае становятся семейные ссоры, постоянная неуверенность в завтрашнем дне и жестокие нравы, царящие в обществе. Жестокость и эгоцентризм закрепляются в сознании людей как привычный способ реагирования и в конечном итоге вызывают массовую аллергию на окружающих, которая может стать причиной истязания.

В процессе исследования установлена определенная социальная ущербность субъектов этого преступления. Более половины из них не работали временно или постоянно, ранее были судимы или привлекались к административной ответственности, состояли на профилактическом учете, 76 % совершили преступление, находясь в алкогольном опьянении[2].

Декриминализация побоев в 2017 г., ставшая результатом принятия Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ[3], дополнительно затруднила сопоставление данных: значительный массив деяний перешел из уголовной в административную юрисдикцию, и формально статистика зарегистрированных преступлений резко снизилась, хотя реальный объем насилия вряд ли уменьшился пропорционально.

История и архивы судебных дел наглядно показывают, что уголовного наказания недостаточно для искоренения насилия в семье [9, с. 289].

По данным МВД России, в 2025 г. зарегистрировано 190 476 преступлений против личности, что на 9,2 % меньше показателя 2024 г.; убийств и покушений на убийство — 5 937 (–11,8 %), фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью — 13 064 (–14,8 %), угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью — 28 696 (–15,3 %)[4].

По ст. 116 УК РФ (побои из хулиганских или экстремистских побуждений) в 2024 г. осуждено всего 370 человек, что отражает узость данного состава после реформы 2017 г.[5]

По статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2023 г.

[1] Звереем. Кусаться будем? // Ва-банк: приложение к «Комсомольской правде». 1993. № 2.

[2] В работе приводятся сведения, полученные автором в результате лично проведенного исследования в 2025 г. осужденных по ст. 117 УК РФ.

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федер. закон от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ : (ред. от 09.04.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27, ч. 2. Ст. 72.

[4] Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu (дата обращения: 29.07.2026).

[5] Статистические данные о насильственных преступлениях в семье. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 27.07.2026).

зарегистрировано 13 241 преступление по ст. 116.1 УК РФ, в 2024 г. — 11 801, в 2025-м — 9 682[6].

Что касается истязаний, зарегистрированных по ст. 117 УК РФ, их динамика менее тревожна. В 2021 г. зафиксировано 2 282 преступления, в 2022 г. — 1 915, 2023 г. — 1 680, 2024 г. — 1 401, в 2025 г. — 1 236[7].

Снижение объясняется как реальным сокращением числа таких деяний, так и особенностями квалификации, когда правоприменитель предпочитает вменять иные составы преступлений (побои, причинение легкого вреда здоровью) вместо сложного в доказывании истязания с его признаком систематичности.

Судебная статистика за 2024 г. фиксирует 6 370 осужденных по ст. 116.1 УК РФ (1 240 по ч. 1 и 5 130 по ч. 2), а также 805 осужденных по ст. 117 УК РФ (403 по ч. 1 и 402 по ч. 2); в 2023 г. — 5 780 осужденных по ст. 116.1 УК РФ (1 612 по ч. 1 и 4 168 по ч. 2), а также 988 осужденных по ст. 117 УК РФ (524 по ч. 1 и 464 по ч. 2)[8].

Обращает на себя внимание устойчивое преобладание мужчин среди виновных и, соответственно, женщин среди потерпевших, причем три четверти лиц, совершивших насильственные деяния в семье, находились в момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения. Я.И. Гилинский, рассматривая преступность как свойство общества, указывал, что распределение насилия по социальным группам и сферам жизнедеятельности отражает глубинные структурные противоречия — гендерное неравенство, экономическую зависимость, культурную нормализацию агрессии в семейных отношениях [10, с. 146].

Условия семейной жизни могут породить у членов семьи такие отрицательные чувства, как озлобленность, неудовлетворенность, ревность, месть, зависть, корысть, влекущие возникновение мотивов преступного поведения. Эти чувства нередко констатируются в материалах судебной и следственной практики, но они могут возникать при совершении преступлений и в иных сферах жизнедеятельности человека. Вместе с тем следует отметить и специфику психологических процессов, которые присущи сфере семейных отношений: стремление в демонстративной форме утвердить свое «я»; утвердить или восстановить свои права как главы семьи; стремление защитить себя как от действительных, так и мнимых посягательств другого члена семьи; стремление других членов семьи действовать в приемлемом для субъекта направлении и добиться желаемого результата; чувство социальной или физической неполноценности [11, с. 44–45].

Все люди абсолютно разные. Невозможно создать среди всех одинаково дружелюбную среду к абсолютно противоположным запросам и взглядам [12, с. 99]. Случайность тесно связана с непредвиденными обстоятельствами. Однако непредвиденные обстоятельства вовсе не обязательно случайны, поскольку могут иметь собственные закономерности возникновения и развития [13, с. 569].

В том, что домашнее насилие является острой социальной проблемой, в России солидарно большинство россиян. При этом доля тех, кто так считает, за последние пять лет выросла с 60,9 до 66,3 % от числа опрошенных [14, с. 241]. По результатам зарубежных исследований, чаще всего жертвы убийств, совершенных женщинами, — это мужчины [15, p. 561].

Наличие детей, совместное проживание, страх эскалации насилия и давление семьи играют огромную роль при принятии жертвами решений о продолжении проживания в семье, в которой страх и грубость сокращают им жизнь до минимума. Осознается реальность того, что многим женщинам требуется несколько лет и многочисленные избиения, прежде чем они информируют правоохранительные органы о своем бедственном положении. И все же число женщин, которые заявляют о фактах семейного насилия, продолжает расти.

Показательны результаты, которые получены по итогам обращения в 2025 г. на Всероссийский телефон доверия: от женщин поступило почти 24 тыс. обращений, что на 40 % больше, чем в 2024-м, из них 70 % указывают на систематический характер агрессии, что говорит о продуманной системе подавления; в каждом пятом случае (20 %) женщины страдают от насилия более десяти лет, и за эти годы у них формируется устойчивая психологическая зависимость; 80 % столкнулись именно с физическим насилием, причем у каждой второй (50 %) имеются телесные повреждения, требующие медицинского вмешательства; около по-

[6] Форма № 4-ЕГС за 2023–2025 годы.

[7] Форма № 4-ЕГС за 2021–2025 годы.

[8] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://web.archive.org/web/20260126210545/https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 28.07.2026).

ловины агрессоров (50 %) имеют алкогольную или наркотическую зависимость[9].

Результаты анализа состояния, структуры и динамики побоев за период 2020–2025 гг. позволяют выявить устойчивую тенденцию. Количество уголовных дел по ст. 116.1 УК РФ, направленных в суд, выросло с 2 809 в 2020 г. до 9 914 в 2024 г., при этом основной рост пришелся на 2023 г., что обусловлено введением ч. 2 ст. 116.1 УК РФ в 2022 г., расширившей основания уголовного преследования лиц с насильственной судимостью. Истязание, по сравнению с побоями, имеет меньшую распространенность. В процессе истязания жертве, как правило, причиняется вред различной степени тяжести, в таких случаях истязание как свидетельство большей общественной опасности деяния квалифицируется по другим статьям уголовного закона. Таким образом, данные случаи истязания не находят непосредственного отражения в уголовной статистике, как бы завуалированы другими преступлениями. Ряд потерпевших также не обращаются по родственным соображениям по причине жалости, раскаяния виновного лица.

Данные выводы указывают на настоятельную необходимость получения новых научных знаний о специально-криминологических и индивидуальных мерах предупреждения истязаний и побоев.

Специально-криминологические и индивидуальные меры предупреждения истязаний и побоев

В соответствии со Стратегией действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 г.[10] деятельность государства направлена на укрепление института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, а также на повышение благосостояния и качества жизни семей. Ее реализация обеспечивает благополучие членов семьи, требует не только реагирования на правонарушения, но и мер ранней профилактики.

Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[11] определяет следующие формы специального профилактического воздействия: профилактическая беседа, представляющая собой разъяснение лицу его ответственности, последствий продолжения антиобщественного поведения и побуждение к законопослушному образу жизни; профилактический учет, предполагающий фиксацию сведений о лицах, в отношении которых осуществляется индивидуальная профилактика; профилактический надзор, реализуемый в рамках административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; социальная адаптация и ресоциализация лиц, отбывших наказание.

Каждая из закрепленных в законе форм находит свое применение в предупреждении побоев и истязаний, однако их значимость и результативность во многом зависит от того, насколько последовательно и системно они реализуются на практике.

Значимая роль в специально-криминологическом предупреждении побоев и истязаний принадлежит органам внутренних дел, при этом ключевым звеном выступают участковые уполномоченные полиции. Федеральный закон «О полиции»[12] возлагает на полицию обязанность по предупреждению преступлений и административных правонарушений, а приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельность[13] конкретизирует полномочия участковых в сфере профилактики бытового насилия: 1) выявление лиц, допу-

[9] Домашнее насилие в России: портрет явления на фоне цифр и бездействия. URL: https://www.vkpress.ru/life/domashnee-nasilie-v-rossii-portret-yavleniya-na-fone-tsifr-i-bezdeystviya/?id=20462 (дата обращения: 27.07.2026).

[10] Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года : распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 г. № 615-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (дата обращения: 27.07.2026).

[11] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федер. закон РФ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 10.06.2016 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15.06.2016 г. URL: https://base.garant.ru/71428030 (дата обращения: 28.07.2026).

[12] О полиции : Федер. закон РФ от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ : (ред. от 15.12.2025 г.) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28.01.2011 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 0202.2011 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (дата обращения: 27.07.2026).

[13] О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России от 02.03.2019 г. № 205. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72188134 (дата обращения: 18.07.2026).

скающих правонарушения в семейно-бытовой сфере, и постановка их на профилактический учет. Участковый обязан вести списки таких нарушителей и проводить с ними регулярные профилактические беседы, в том числе с привлечением членов семьи. Периодичность обхода лиц, состоящих на учете, согласно ведомственным нормативам, составляет не реже одного раза в месяц; 2) реагирование на сообщения о бытовых конфликтах. При поступлении вызова о домашнем насилии наряд полиции обязан прибыть на место, опросить участников конфликта, зафиксировать обстоятельства, при наличии оснований — принять заявление и направить пострадавшего на медицинское освидетельствование; 3) вынесение официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений.

Профилактический учет лиц, склонных к совершению насильственных преступлений в бытовой сфере, ведется участковыми уполномоченными полиции и включает сведения о лицах, ранее привлекавшихся к административной (по ст. 6.1.1 КоАП РФ[14]) или уголовной ответственности за побои, злоупотребляющих спиртными напитками, допускающих скандалы в семье.

Механизм, созданный для разрешения семейных конфликтов, работает так медленно, что пострадавшие во многих случаях остаются без необходимой помощи, а причинившие боль свободно уходят от следственных органов.

В этой связи представляется более правильным внести изменения в УПК РФ, обязывающие органы дознания и следствия при регистрации сообщений о побоях и истязаниях проводить оценку риска возможного повторного насилия с использованием утвержденной методики. Предлагается внести следующие изменения в ст. 144.1 УПК РФ:

«1. При регистрации сообщения о преступлении, содержащем признаки побоев, истязания или домашнего насилия (ст. 116.1, 117 УК РФ), орган дознания или следователь обязан в срок не более 24 часов дать оценку риска повторного насилия и зафиксировать результаты в материалах проверки.

2. При выявлении среднего или высокого уровня фактора риска орган дознания/следователь в пределах своих полномочий применяет предусмотренные законом меры: временный запрет приближения к потерпевшему, временное ограничение контактов (включая средства связи), временное удаление подозреваемого/обвиняемого из совместно занимаемого жилого помещения, обеспечение направления потерпевшего в кризисный центр. Принятые меры подлежат обязательной фиксации в материалах проверки (уголовного дела) с уведомлением потерпевшего и лица, в отношении которого применены меры, о порядке их обжалования».

Средства массовой информации и религиозные организации оказывают существенное воздействие на общественное правосознание, способны формировать нетерпимость к насилию в семье через освещение резонансных дел, распространение информации о правах жертв, однако оборотной стороной медийного внимания является риск вторичной виктимизации. Кроме того, религиозные организации традиционных конфессий в ряде регионов реализуют программы помощи семьям в кризисных ситуациях, организуют приюты для женщин, подвергшихся насилию, например, православные центры «Дом для мамы», проводят беседы с прихожанами о недопустимости жестокого обращения. Подтверждая большую работу, выполняемую представителями религиозных организаций, следует отметить недостаточное число приютов для жертв насилия.

Вместе с тем эффективность этого направления ограничивается неоднородностью позиций религиозных организаций по вопросу семейного насилия и отсутствием системной координации с государственными структурами.

В контексте предупреждения рецидива воспитательная работа в учреждениях уголовно-исполнительной системы с осужденными за побои и истязания приобретает самостоятельное значение. Значительная часть лиц, совершающих повторные побои и истязания, ранее отбывала наказание за насильственные преступления, а назначенные виды наказания, не связанные с лишением свободы, не оказали исправительного воздействия.

Статья 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации[15] определяет воспитательную работу как одно из основных средств

[14] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ : (ред. от 26.07.2026 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165 (дата обращения: 27.07.2026).

[15] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ : (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 26.

исправления осужденных, при этом содержание такой работы с лицами, осужденными за семейно-бытовое насилие, включает: психологическое консультирование, направленное на коррекцию агрессивных установок и развитие эмпатии; групповые программы по управлению гневом и формированию навыков ненасильственного разрешения конфликтов; социально-правовое просвещение (разъяснение последствий рецидива, прав потерпевших, механизмов ресоциализации после освобождения).

На практике программы коррекции поведения для насильственных преступников в российской пенитенциарной системе реализуются фрагментарно и далеко не во всех исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Это обусловлено недостаточным числом квалифицированных психологов, отсутствием специализированных методических разработок.

У лица, ставшего хотя бы раз жертвой преступления, риск повторной виктимизации намного выше, чем в общей совокупности других лиц [16, с. 477]. Большинство потерпевших имели семьи, и проблемы, возникающие при совместном проживании, часто способствовали их виктимному поведению, следствием которого стало причинение вреда потерпевшему [17, с. 707].

Межведомственное взаимодействие правоохранительных органов с органами опеки и попечительства, учреждениями здравоохранения и социальной защиты населения составляет организационную основу системы предупреждения побоев и истязаний. Механизм такого взаимодействия предполагает обмен информацией о семьях, находящихся в социально опасном положении, совместное планирование профилактических мероприятий и координацию усилий при работе с конкретными случаями насилия. Медицинские работники, выявляющие у пациентов признаки побоев (в травмпунктах, приемных отделениях, женских консультациях), обязаны сообщать об этом в правоохранительные органы, что на практике реализуется через передачу сведений о телесных повреждениях «криминального характера» в территориальные органы МВД. Органы опеки и попечительства, получив информацию о жестоком обращении с детьми в семье, вправе инициировать отобрание ребенка в порядке ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации[16], а также обратиться в суд с иском о лишении или ограничении родительских прав.

Координацию межведомственного взаимодействия на муниципальном уровне осуществляют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (в отношении детей) и межведомственные комиссии по профилактике правонарушений, создаваемые при главах муниципальных образований. Между тем на практике координация зачастую носит формальный характер: органы здравоохранения не всегда передают информацию о пациентах с побоями, образовательные организации не сообщают о травмах у детей, а участковые не посещают поставленных на учет лиц с установленной периодичностью. Разрыв информационных потоков между ведомствами остается одной из ключевых проблем, снижающих результативность всей системы предупреждения побоев и истязаний на специально-криминологическом уровне.

Заключение

Отдельные российские семьи могут по-своему оценивать семейное благополучие, вкладывая свои уникальные смыслы. Учет данных понятий позволил расширить представление о данной проблеме и определить актуальные запросы российского общества на семейное благополучие для семей с учетом государственной политики.

В качестве практических предложений для совершенствования профилактической модели предупреждения побоев и истязаний в семье целесообразно закрепить: 1) обязательную оценку риска при каждом сообщении о семейно-бытовом насилии; 2) межведомственную карту сопровождения потерпевшей с указанием ответственного органа; 3) электронный учет повторных обращений, доступный участковому, дознавателю, органам опеки и социальной защиты; 4) обязательное направление агрессоров, привлеченных по ст. 6.1.1 КоАП РФ, ст. 116.1 или ст. 117 УК РФ, на коррекционные программы; 5) прокурорский контроль за отказами в возбуждении дел по фактам побоев и истязаний.

Ввиду вышеизложенного следует отметить, что действующая система специально-криминологического предупреждения побоев и истязаний формально включает необходимые субъекты — полицию, прокуратуру, органы опеки, образовательные и медицинские организации, учреждения уголовно-исполнительной системы, — однако остается недостаточно результативной

[16] Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ : (ред. от 15.05.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 154.

из-за разрыва системных информационных потоков и отсутствия единого алгоритма реагирования на случаи повторного семейного насилия.

Приведенные выводы отнюдь не ограничиваются подходом к совершенствованию предупреждения побоев и истязаний в семье. Они отражают государственную политику в сфере брачно-семейных отношений, основанную на традиционных духовно-нравственных ценностях. Автором предпринята попытка заострить внимание на внутрисемейном насилии, которое является в настоящее время ключевой проблемой, а также на наиболее принципиальных направлениях этой политики, совершенствование которых послужит основой для подъема на новый уровень предупреждение побоев и истязаний в семье, что позволит повысить эффективность этих мер с учетом государственной политики, которая определила вектор глобального развития российского социума.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дрозденко О.О. Виктимологический аспект семейно-бытового насилия: характеристика жертвы / О.О. Дрозденко, А.В. Штефан. — EDN PHAKDU // Вестник Международного юридического института. — 2024. — № 1–2(86–87). — С. 69–83.

2. Кладько В.В. Проблемы насильственных посягательств в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический аспекты / В.В. Кладько, М.Ф. Костюк. — Москва : Юрлитинформ, 2023. — 144 с. — EDN NIFPUG.

3. Лунеев В.В. Преступность XXI века: мировые, региональные и российские тенденции : монография / В.В. Лунеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Волтерс Клувер, 2021. — 912 с.

4. Шестаков Д.А. Семейная криминология : монография / Д.А. Шестаков. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. — 384 с. — EDN QVPJJJ.

5. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / В.Ф. Щепельков. — Москва : Юрлитинформ, 2003. — 416 с. — EDN TVFDDX.

6. Яковлев А.М. Проблемы социальной адаптации и противоправное поведение / А.М. Яковлев // Ученые записки ВНИИСЗ : сб. статей. — Москва, 1969. — Вып. 17. — С. 90–99.

7. Бородин СВ. Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах / С.В. Бородин. — Москва : Юрид. лит., 1964. — 211 с.

8. Антонян Ю.М. Криминология : избранные лекции / Ю.М. Антонян. — Москва : Логос, 2004. — 447 с.

9. Ерохина Е.В. Семейно-бытовое насилие: вызовы и решения в эпоху сохранения семейно-правовых ценностей / Е.В. Ерохина. — DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(3).284-297. — EDN VGMQVR // Всероссийский криминологический журнал. — 2025. — Т. 19, № 3. — С. 284–297.

10. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гилинский. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2007. — 525 с.

11. Панфилов Г.А. Исследование мотивов насильственных преступлений, совершаемых на почве семейно-бытовых отношений, как необходимая предпосылка их предупреждения / Г.А. Панфилов // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР. — 1974. — № 28. — С. 41–48.

12. Голубовский В.Ю. Насилие в семье как разновидность социального насилия / В.Ю. Голубовский, Е.В. Кунц. — EDN YTOPMT // Проблемы права. — 2018. — № 4 (68). — С. 98–100.

13. Пудовочкин Ю.Е. Непредвиденные обстоятельства в уголовном праве, уголовной политике и криминологии: постановка проблемы / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(6).566-578. — EDN EYWRCF // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 6. — С. 566–578.

14. Щепельков В.Ф. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) / В.Ф. Щепельков, С.Д. Савин, Е.М. Тимошина. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244. — EDN WQSUQL // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 3. — С. 232–244.

15. Lauritsen J.L. Gender Differences in Risk Factors for Violent Victimization: An Examination of Individual, Family, and Community-Level Predictors / J.L. Lauritsen, K. Carbone-Lopez. — DOI 10.1177/0022427810395356 // Journal of Research in Crime and Delinquency. — 2011. — Vol. 48, iss. 4. — P. 538–565.

16. Кунц Е.В. Уголовная политика и ее значение в сфере борьбы с женской преступностью / Е.В. Кунц. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(5).473-481. — EDN HVEEPK // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 5. — С. 473–481.

17. Репецкая А.Л. Виктимологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых женщинами (региональный аспект) / А.Л. Репецкая, Т.С. Кононыхина. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(6).702-713. — EDN GZQCTG // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 6. — С. 702–713.

REFERENCES

1. Drozdenko O.O., Shtefan A.V. Victimological Aspect of Domestic Violence: Characteristics of the Victim. *Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the International Law Institute*, 2024, no. 1-2, pp. 69–83. (In Russian). EDN: PHAKDU.

2. Klad'ko V.V., Kostyuk M.F. *Problems of Violent Crimes against Minors: Criminal Law and Criminological Aspects.* Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 144 p. EDN: NIFPUG.

3. Luneev V.V. *Crime of the 21st Century: Global, Regional and Russian Trends.* 2nd ed. Moscow, Volters Kluver Publ., 2021. 912 p.

4. Shestakov D.A. *Family Criminology.* 2nd ed. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2003. 384 p. EDN: QVPJJJ.

5. Shchepelkov V.F. *Criminal Law: Overcoming Contradictions and Incompletion.* Moscow, Yurlitinform Publ., 2003. 416 p. EDN: TVFDDX.

6. Yakovlev A.M. Problems of Social Adaptation and Unlawful Behavior. *Scientific Notes of All-Union Research Institute of Soviet Legislation (VNIISZ). Collected Papers*. Moscow, 1969, iss. 17, pp. 90–99. (In Russian).

7. Borodin SV. *Hearing of Criminal Murder Cases.* Moscow, Yurid. lit. Publ., 1964. 211 p.

8. Antonyan Yu.M. *Criminology: Selected Lectures.* Moscow, Logos Publ., 2004. 447 p.

9. Erokhina E.V. Domestic Violence: Challenges and Solutions in the Era of Preserving Family Law Values. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2025, vol. 19, no. 3, pp. 284–297. (In Russian). EDN: VGMQVR. DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(3).284-297.

10. Gilinskii Ya.I. *Deviantology: Sociology of Crime, Narcotism, Prostitution, Suicide and other "Deviations".* 2nd ed. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2007. 525 p.

11. Panfilov G.A. Researching the Motives of Violent Domestic Crimes as a Necessary Prerequisite of their Prevention. *Works of All-Union Research Institute Of the USSR Ministry of Internal Affairs*, 1974, no. 28, pp. 41–48. (In Russian).

12. Golubovsky V., Kunts E. Domestic Violence as a Form of Social Violence. *Problemy prava = Issues of Law*, 2018, no. 4, pp. 98–100. (In Russian). EDN: YTOPMT.

13. Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. Unforeseen Circumstances in Criminal Law, Criminal Policy and Criminology: Statement of the Problem. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 6, pp. 566–578. (In Russian). EDN EYWRCF. DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(6).566-578.

14. Shchepelkov V.F., Savin S.D., Timoshina E.M. Domestic Violence in the Russian Federation (State, Problems of Criminological Assessment). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 232–244. (In Russian). EDN: WQSUQL. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244.

15. Lauritsen J.L., Carbone-Lopez K. Gender Differences in Risk Factors for Violent Victimization: An Examination of Individual, Family, and Community-Level Predictors. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2011, vol. 48, iss. 4, pp. 538–565. DOI: 10.1177/0022427810395356.

16. Kunts E.V. Criminal Policy and its Importance for Counteracting Female Crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 5, pp. 473–481. (In Russian). EDN: HVEEPK. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(5).473-481.

17. Repetskaya A.L., Kononykhina T.S. Victimological Characteristics and Prevention of Crimes Committed by Women (Regional Aspect). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 6, pp. 702–713. (In Russian). EDN: GZQCTG. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).702-713.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кунц Елена Владимировна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности Центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, 125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Нарвская, 15-а, стр. 1, 73kuntc@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8793-0574, SPIN-код: 4668-2305, Scopus Author ID: 57196327049, ResearcherID: ILS-1629-2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kunts, Elena V. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Department for the Development of Methodologies for the Execution of Sentences Involving the Deprivation of Liberty and the Study of Penitentiary Crime, Center for the Study of Security Problems in Penitentiary Institutions, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 15-a , Bld. 1, Narvskaya Str., Moscow, 125130, the Russian Federation, 73kuntc@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8793-0574, SPIN-Code: 4668-2305, Scopus Author ID: 57196327049, ResearcherID: ILS-1629-2023.